

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

А.К. Алексеев

«ТАЪРИХИ ИНКИЛОБИ ФИКРИ ДАР БУХОРО» КАК ИСТОЧНИК ПО СУННИТО-ШИИТСКИМ ОТНОШЕНИЯМ В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ (к. XIX — нач. XX вв.)

Таърихи инкилоби фикри (Таърихи савтия ва Инкилоби фикри дар Бухоро, История новометодного обучения и идеологическая революция в Бухаре) — одно из наиболее важных исторических сочинений известного таджикского писателя и общественного деятеля Садриддина Саид-Муродзады Гидждувани, более известного как Садриддин Айни (1878–1954). Это весьма ценный источник по истории общественных отношений в Бухарском эмирате на рубеже XIX–XX веков. Ни одно из современных исследований по данному периоду не обходится без обращения к данному сочинению, которое по целому ряду обстоятельств в том виде, в каком его задумывал автор, увидело свет только через 70 лет после того, как было написано [Айни 1987]. В связи с тем, что долгое время данное сочинение в оригинальном виде было недоступно исследователям, необходимо сказать несколько слов о его истории.

К работе над этим сочинением С. Айни приступил в июне 1917 г., после переезда в Самарканд из Кагана, где он находился на излечении после перенесенных пыток и тюремного заключения за участие в выступлениях против эмира [Айни 2005: 17].

Долгое время в историографии бытовало мнение, что данный труд был написан на узбекском языке. Связано это было с тем,

что, несмотря на усилия Айни по изданию *Таърихи инкилоб* на таджикском, ему не удалось осуществить задуманное. С доверенным человеком Айни отправил рукопись сочинения из Самарканда в Бухару для ее скорейшего издания, но после того как она была доставлена, ее следы теряются. Она числилась «утраченной» до конца 1980-х годов. Этот таджикский автограф был обнаружен сыном писателя К. Айни уже после распада СССР [Там же: 21, 25–27].

Исходя из сложившейся ситуации и под давлением Й. Пулода, являвшегося комиссаром (*назиром*) просвещения в Бухарской республике, Айни согласился на перевод и последующее издание своего труда на тюрки. Перевод, дошедший в рукописи, датирован 1921 годом. Этот текст после редакции в сокращенном виде был переведен на русский язык и издан известным петербургским востоковедом-тюркологом А.Н. Самойловичем (1880–1937). В дальнейшем именно этот сокращенный вариант лег в основу узбекской версии сочинения, которая стала известна под названием *Бухоро инкилоби таърихи учун материаллар* [Там же: 23; Айни 1926].

В то же время наличие автографа на персидском языке, хранящегося ныне в Институте востоковедения им. А. Бируни АН Республики Узбекистан, показывает, что изначально сочинение писалось на таджикском. Автограф состоит из 12 сброшюрованных тетрадей, содержащих от 14 до 16 листов, общим числом 357 страниц. Обозначена дата окончания работы над сочинением: 05.05.1336 / 16 (04).02.1918 [Айни 1987: 18]. Такова в очень общем виде история данного памятника.

Как изложение очевидцем и непосредственным участником событий, которым являлся С. Айни, его сочинение имеет большую ценность для целого ряда сюжетов: деятельность просветителей-*джадидов* в Бухаре, распространение новометодного образования (*мактаби савтийа*), повседневная жизнь Бухары и Самарканда и т.д. Особое значение рассматриваемый источник имеет для изучения отношений различных этноконфессиональных групп в Бухарском эмирате.

С. Айни весьма подробно рассматривает вопросы суннито-шиитских отношений и положение этноконфессиональной группы

ирани / эрони в Бухаре. Данная группа сформировалась из числа добровольных и вынужденных переселенцев из Ирана, придерживавшихся имамитского шиитского *мазхаба*. В силу традиционного сепаратизма тюркской военно-кочевой знати в Бухарском ханстве, а затем в эмирате, данная этноконфессиональная группа составила важный слой административно-управленческого аппарата Бухары. Ханы, а затем эмиры, более полагались на своих шиитских подданных, которые вынуждены были в суннитском окружении верой и правдой служить своим повелителям. Собственно, привлечение к административно-чиновничьей работе иранцев было традиционным для арабских, тюркских и монгольских правителей, чему в истории Центральной Азии мы находим множество примеров.

Помимо *эрони / ирони* шиитами также были обращенные в рабов пленники: согласно установившейся практике, шииты считались вероотступниками (*рафиз*) и могли быть обращены в рабство, а их имущество считалось законной военной добычей [Искандарбек Мунши Туркоман 1387: 390–398]. Однако, исходя из информации С. Айни, шиитов-эрони и шиитов коммерсантов, приезжавших в Бухару по торговым делам из Ирана и имевших в городе свои фактории, не следует смешивать с насильно обращенными в шиизм пленниками. Первые обладали более широкими правами и возможностями, даже по сравнению с основной массой суннитского населения. Достаточно сказать, что фактический правитель города при эмирах Абдулахаде (правил 1885–1900) и Саййад Мир-Алим-хане (правил 1900–1920) Остонакул *кушбеги* сам принадлежал к шиитам. Бухарские шииты компактно проживали в трех кварталах: Тотор, Афшор и Зеробод / Зирабад.

Помимо отправления чиновных должностей в эмирской администрации, шииты активно занимались ремеслом и торговлей. Судя по тому, что они свободно носили оружие, отправляли свои религиозные церемонии (*азадари*), они вполне мирно уживались с суннитами. С. Айни указывал, что разногласия между общинами (*фирка*) носили не религиозный, а политический и экономический характер, а столкновения провоцировались религиозными лидерами, конкурировавшими за власть. Наиболее красноречивыми результатами такой конкуренции стали шиито-суннитские

столкновения в Бухаре в начале 1327 / 1909 г. Бухарские *улама*, в частности Бурхониддин *раис* и *мулла* Камар, умело пользовались слабыми знаниями учащих суннитских *мадраса* и ремесленников по истории ислама и натравливали их на шиитов. В то же время шииты, занимавшие практически все ключевые посты в администрации эмира, не были готовы расстаться с частью своих политических и социально-экономических привилегий. В этой связи уместно привести цитату из *Таърихи инкилоб*:

«Поскольку столкновения (*фитна*) шиитов и суннитов имели место после смуты, [связанной] с вопросами новометодных школ, и поскольку за этими событиями стояли одни и те же люди, уместным видится сказать несколько слов по этому поводу. Хотя в предшествующие годы пару раз между этими двумя религиозными группами в Бухаре и случались столкновения, они разрешались благодаря умелым действиям властей, и обе группы жили по-братски (!). Среди *райатов* и жителей (города) не наблюдалось враждебных настроений по отношению друг к другу. Однако же среди власть предержавших всегда были разлад и вражда. В действительности, причиной этой вражды были не религиозные разногласия (!), а политическое соперничество. Поскольку пост *вазира* и право сбора *заката* всегда контролировались [выходцами] из группы *эрони* / *ирони* и финансовые рычаги власти были у них в руках, *сипахи*, являвшиеся выходцами из (узбекских) племен (илдор) и чиновники-бухарцы именно по этой причине затаили на них обиду» [Айни 2005: 75].

Завершая обзор суннито-шиитских отношений, С. Айни указывает на основные, по его мнению, причины столкновений:

«1. Излишняя надменность чиновников *кушбеги* и притеснения ими населения.

2. Ненависть народа к власти, которую олицетворял *кушбеги*.

3. Абсолютная узурпация выходцами из *эрони* административных и финансовых должностей в Бухаре.

4. Враждебность военного сословия (*сипахи*) из числа таджиков и узбеков по отношению к *эрони*, и особенно *кушбеги*.

5. Вражда Бурхониддина *раиса* с *кушбеги* вследствие [политической] конкуренции» [Там же: 88–89].

Библиография

Айни К. С. Мукаддима... // *Айни С.* Таърихи инкилоби фикри дар Бухоро. Куллийёт. Душанбе, 2005. Ч. 14.

Айни С. Бухоро инкилоби таърихи учун материаллар. М., 1926.

Айни С. Тарихи инкилоби Бухоро. Душанбе, 1987.

Искандар-бек Мунши Туркоман. Тарих-и аламара-йи Аббаси / Зир-и назар ва ба танзим-и фихристу ва мукаддима: Ирадж Афшар. Китаб-и аввал. Джилд-и аввал ва ними аз джилд-и дуввум. Тихран, 1387.

В.А. Дмитриев

О КЛАССИФИКАЦИОННОЙ СХЕМЕ В.П. КОБЫЧЕВА ПО ТИПОЛОГИИ ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА НАРОДОВ КАВКАЗА

Операция систематизации признается одним из обязательных признаков научного исследования, она имеет большое служебное значение, может быть самостоятельной целью и указывать на степень развития научной дисциплины. С таких позиций следует высоко оценить внимание к типологическим исследованиям в отечественной этнографии и в кавказоведении в частности в 1960–1980-х годах, когда была обозначена задача типологических исследований, в том числе подготовки историко-этнографических атласов компонентов региональной культуры народов СССР. Результативность этой работы была различной, тем более важны те разработки, которые действительно привели к появлению типологических схем, имевших региональное значение и распространение. Одной из таких разработок стала типология кавказского жилища В.П. Кобычева и последовавшая критика этой схемы.

Типология кавказского жилища В.П. Кобычева была предложена в двух вариантах: субрегиональном относительно Юго-Восточного Кавказа — Азербайджана и общерегиональном для Кавказских горных территорий. Она изложена в ряде работ, основные из которых являются источником осмысления авторских позиций типологии жилища в первом [Кобычев 1962] и втором вариантах [Кобычев 1964, 1967, 1982, 1985, 1997]. Случайно или